

Годъ 7-й.

Кн. XXVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЪНИЕ.

изданіе этнографическаго отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антрапологии и Этнографии,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 4.

подъ редакціей

Секретаря Этнографического Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Типографія „Разсвѣтъ“, уголъ Воздвиженки и Кисловки, д. Шмитъ.
1895.

РОДИНЫ И КРЕСТИНЫ, УХОДЪ ЗА РОДИЛЬНИЦЕЙ И НОВОРОЖДЕННЫМЪ.

(По материаламъ, собраннымъ въ Тульскомъ, Веневскомъ и Каширскомъ уѣздахъ,
Тульской губ.)

Какъ въ средѣ другихъ классовъ, такъ въ крестьянскомъ быту въ особенности, роды обыкновенно представляютъ собою одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ, самыхъ напряженныхъ моментовъ въ жизни каждой семьи. Еще до наступленія родовъ опасенія за ихъ благополучный исходъ и желаніе заранѣе узнать полъ и хотя отчасти судьбу младенца заставляютъ волноваться и беспокоиться не только беременную женщину, но и близкихъ ея родственниковъ. Довольно полное изображеніе переживаемыхъ ими за это время душевныхъ волненій мы находимъ въ тѣхъ обрядахъ, ворожбѣ и разнаго рода суевѣріяхъ, какими спровождаются родины и крестини.

Полъ ребенка имѣть большое значеніе въ будущемъ для материальнаго благосостоянія семьи: обыкновенно, мальчикъ обѣщаетъ крестьянской семье помощника, а девочка разорительницу. Чтобы узнать, какого пола дитя пошлетъ Господь въ извѣстномъ случаѣ, находятъ на это указанія въ наблюденіяхъ надъ самою родильницею во время ея беременности, надъ послѣднимъ изъ ея дѣтей и надъ событиями, случавшимися въ то время. Такъ, говорятъ, если беременная женщина полнѣеть, то родить девочку; то-же должно быть, если она при вопросѣ: „кого родишь?“ сконфузится, или если ея животъ во время беременности не измѣняетъ своей округлой формы. Наоборотъ, если она не конфузится, когда ее спрашиваютъ о томъ, кого она родить, и если жи-

вотъ у ней принимаетъ обостряющуюся („тычкомъ“) форму, то отъ нея родится мальчикъ. Мальчика же слѣдуетъ ждать, когда у послѣдняго ребенка на шеѣ волосы не заканчиваются косичкой, когда отецъ ожидаемаго дитяти во время пути найдетъ кнутъ, когда кто-нибудь изъ семейныхъ, выѣждавъ съ ткацкимъ пруткомъ, увидитъ прежде всѣхъ какого-нибудь мужчину, когда посаженный за столъ ребенокъ изъ разложенныхъ предъ нимъ вещей выберетъ какую нибудь принадлежность мужчины, а не женщины, напримѣръ, кочетыгъ, но не наперстокъ, трубку, а не платокъ, и т. д., и т. д.

При наступленіи родовъ, когда болѣе всего сознается опасность, которой подвергается жизнь родильницы, всѣ находящіеся тогда въ домѣ прощаются съ послѣдней и уходять въ другую избу или иное мѣсто, остерегаясь при этомъ рассказывать о происходящемъ постороннимъ, въ той уверенности, что роды бываютъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе лицъ о нихъ знаетъ. Съ родильницей остаются ея мужъ и призванная бабка—повитуха; они стараются, насколько возможно, облегчить, по ихъ понятіямъ, страданія родильницы. Для этого укладываютъ ее около рукомойника, обводятъ три раза около стола, заставляютъ держаться за привязанный къ брусу полатей кушакъ, когда сочтутъ нужнымъ, чтобы она рожала стоя; мужъ трижды перелѣзаетъ между ея ногъ. Если родильница не можетъ легко рас простряться съ дѣтскимъ мѣстомъ, то ей даютъ спорыни или солоду, или гущи квасной, или же, закатавъ въ хлѣбъ трехъ вшей съ трехъ головъ и заставивъ родильницу съѣсть шарикъ, говорятъ ей, что она съѣла¹⁾). Вѣрятъ, что большое облегченіе родильницѣ бываетъ также отъ распространенного въ народѣ произведенія: „Сонъ Пресвятыя Богородицы“, если она постоянно носить его съ собой, или во время родовъ положить въ головахъ, или прочтеть его сама, или дать прочитать кому-нибудь другому, или же, наконецъ, произнесеть

¹⁾ Послѣднее средство употребляютъ лишь въ Каширскомъ уѣздѣ; въ Тульскомъ и Веневскомъ уѣздахъ, хлѣбъ съ звшами даютъ ѡесть коровамъ въ подобномъ же положеніи.

слѣдующую молитву, помѣщаемую въ нѣкоторыхъ спискахъ этого сна: „Господь со мною, Господь оберегаетъ меня, рабу твою имя рекъ, во дни, и въ ноши, и на всякой часы! Прошу и молю Тя, Господи, черезъ муку Твою святую, которую претерпѣлъ насъ ради грѣшныхъ, и кровь святую праведную, юже изліялъ! Святый Пророче Предтече Господень Іоаннъ и вси святіи! молите о мнѣ грѣшной милостиваго Бога дати мидитя породить!“ Когда женшинѣ родами приходится мучиться двое-трое сутокъ, то просятъ священника отворить въ храмѣ царскія двери, а иногда служать молебенъ св. вмч. Екатеринѣ (24 нояб.), или Пресв. Богородицѣ Федоровской (16 авг.), или Троеручицѣ (28 іюня и 12 іюля), или Успенію Пресв. Богородицы (15 авг.), или же, наконецъ, запрестольной Божіей Матери, т. е. той ея иконѣ, которая находится за престоломъ въ мѣстномъ храмѣ. Во все время родовъ предъ иконами бываетъ зажжена вѣнчальная или крещенская свѣча.

Послѣ благополучнаго окончанія родовъ повивальная бабка закапываетъ дѣтское мѣсто въ какомъ-нибудь углу избы; затѣмъ, обмываетъ новорожденнаго, обрѣзаетъ и завязываетъ у него пуповину и, если ей покажется нужнымъ, исправляетъ его голову. Полагаютъ, что такъ какъ голова у ребенка первое время бываетъ мягка, какъ воскъ, то вполнѣ зависитъ отъ повитухи, сдѣлать ли его круглолицимъ или длиннолицымъ, или даже какимъ-нибудь уродомъ. Моютъ младенца, изъ боязни обжечь его, едва нагрѣтою водой и въ нее, когда новорожденнаго обмываютъ въ первый разъ, обыкновенно кладутъ серебряныя деньги, выражая тѣмъ желаніе ему въ будущемъ богатства.

Управившись такимъ образомъ съ ребенкомъ, бабка хлопочеть около родильницы: парить ее въ банѣ или въ печи, править животъ и сдаиваетъ ея груди, чтобы удалить первое плохое молоко. Но иногда бываютъ случаи, когда около родильницы не приходится хлопотать ни бабкѣ, ни мужу: нѣкоторые женщины рожать очень легко. Когда придетъ время родить такой бабѣ, она выйдетъ на дворъ, разрѣшился отъ беременности безъ всякой посторонней помощи, потомъ сама же принесетъ новорожденнаго въ избу, сдѣлаетъ

для него и для себя все нужное, и только послѣ, боясь „сглазу“, призываетъ на день или на два бабку.

Чтобы ребенокъ былъ покоенъ, для этого, по рожденіи, его обертываютъ отцовыми портами или, когда пеленаютъ, то вмѣсто свивальника употребляютъ приготовленныя изъ хлопковъ для половиковъ или дерюгъ толстыя нити, извѣстные подъ именемъ „верчи“; а для того, чтобы онъ былъ красивъ и привлекателенъ, его покрываютъ матеріей зеленаго цвѣта.

Въ кумовья приглашаютъ кого-нибудь изъ близкихъ родныхъ или хорошихъ знакомыхъ; но когда прежде рождавшіяся дѣти умирали, и когда желаютъ, чтобы новорожденный былъ живъ, то приглашаются первые встрѣчные¹⁾.

— „Пойди, введи младенца въ православную вѣру“, — обыкновенно съ такими словами обращается отецъ ребенка къ мужчинѣ или женщинѣ, которыхъ онъ желаетъ пригласить къ себѣ кумомъ или кумой. И приглашаемые, въ виду того расположенія, которое высказывается къ нимъ со стороны родителей новорожденнаго въ этомъ приглашеніи, отказываются рѣдко, хотя званіе кума и кумы соединено съ кое-какими тратами. Кумъ, напримѣръ, покупаетъ для младенца крестикъ, приносить на крестины свой хлѣбъ и иногда самъ расплачивается съ духовенствомъ; кума же съ своей стороны обязана представить „на ризки“ аршина тричетыре ситцу, рубашку для ребенка и платокъ или полотенце священнику утереть руки послѣ погруженія крещаемаго въ воду.

Относительно таинства крещенія полагаютъ, что оно не всегда бываетъ дѣйственno. Для его дѣйственности, по мнѣнію народа, отъ лицъ, принимающихъ участіе въ совершеніи крещенія, т. е. не только отъ священника, но и отъ дьячка, требуется полное сознаніе святости и важности со-

1) Званіе крестныхъ отца и матери даетъ послѣднимъ право на уваженіе со стороны крестника или крестницы, которое особенно ясно выражается на свадьбахъ, когда жениха и невѣstu ихъ крестные благословляютъ первыми послѣ родныхъ отца съ матерью, а на свадебныхъ угощеніяхъ занимаютъ за столомъ почетный мѣста.

вершающагося таинства. Вотъ разсказъ, выражающій это народное возрѣніе.

Въ одной деревнѣ жила женщина безъ мужа. Къ ней являлся въ образѣ человѣка демонъ, и она отъ него забеременѣла. Беременной она ходила три года, послѣ чего отъ нея родился ребенокъ, удивлявшій всѣхъ своимъ большимъ ростомъ и тѣмъ, что черезъ недѣлю послѣ крестинъ онъ сталъ уже говорить. Сосѣди стали выпытывать родильницу: отъ кого такой ребенокъ? Любопытство спрашивавшихъ было удовлетворено самимъ-же ребенкомъ; онъ сказалъ: „Вы почитаете меня за христіанина, а я самъ черть!“—„А какъ же тебя крестили-то?“ спрашиваютъ его.—„Меня крестили не по череду: попъ былъ пьяный и поганый, а дьячекъ, хотя былъ трезвъ, да думалъ въ это время о другомъ, такъ что я теперь не закрещенъ и могу всегда отъ васъ уйти“. Сказалъ онъ это, полѣзъ подъ лавку—и скрылся; больше его не могли и найти.

Послѣ крестинъ начинаются поздравленія отца и матери—съ сыномъ или дочкою, кумовьевъ — съ крестникомъ или крестницей, бабки-повитухи—съ новымъ внукомъ или внучкой и т. д. Кума съ кумой сажаютъ за столъ и угождаютъ приготовленной уже для нихъ закуской и чаемъ, а самого виновника происходящаго торжества свивають и кладутъ къ родильницѣ на разстеленную шерстью вверхъ шубу, чѣмъ выражается ему пожеланіе богатства.

Межу тѣмъ хозяинъ дома идетъ приглашать, кого сочтеть нужнымъ, изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ „къ младенцу на хлѣбъ на соль, кашу ѿсть“, и, когда приглашенные соберутся, устраивается крестильный обѣдъ. Кушанья, изъ которыхъ состоить послѣдній, отличаются сравнительнымъ изобиліемъ и разнообразіемъ, какъ бываетъ только по самымъ большимъ праздникамъ. Такъ, сначала подается холодное: въ постный день—обыкновенно сельди и квасъ съ кислой капустой, а въ скоромный — студень и квасъ съ яицами и мясомъ; затѣмъ слѣдуютъ блюда: въ постный день—приправленныя коноплянымъ масломъ щи съ снѣдками, картофельный супъ съ грибами и лапша; въ скоромный же — щи съ какимъ-нибудь мясомъ, ушикъ, т. е. супъ изъ потроховъ,

лапша съ курицей или свининой, лапша молочная, и, наконецъ, каковъ-бы составъ кушаній ни былъ, на крестильномъ обѣдѣ необходимою считается гречневая каша, предъ которой въ большинствѣ случаевъ подается каша пшеничная. Въ заключеніе обѣда, когда поѣдятъ послѣднее блюдо, бабка кладетъ на столъ пирогъ, ставить въ шапкѣ горшокъ съ кашей и на тарелкѣ штофъ съ водкой; при этомъ она говоритъ:

Шапка малахай,
А ты, родильница,
Въ годъ еще натряхай!

Или: Бабушка подходитъ,
Кашку подносить
На корысть, на радость,
На Божью милость,
На толстя одонья,
На высокіе скирды.
Кашку на ложки,
Мальчику на ножки!

Или: Гости мои любящіе,
Гости мои дорогіе!
Къ вамъ бабушка идетъ,
Вамъ кашку несетъ.
Бабушка молоденька,
Несетъ кашку сладеньку.
Намъ не барыши получать,
А только народъ пріучать,
Чтобы бабушку знали,
Чаще въ гости звали!

Бабка начинаетъ угощать присутствующихъ, но тѣ, по обычаю, первую рюмку предлагаютъ угощающей:

— „Попробуй-ка сама, бабушка!“ шутятъ въ отвѣтъ на ея угощенія хозяинъ съ гостями. „Богъ знаетъ, какую ты водку-то намъ подаешь: можетъ она наговорная!“

Первымъ послѣ бабки пьетъ отецъ новорожденнаго. Для закуски ему она подаетъ въ ложкѣ пересоленную кашу, причемъ говоритъ:

— „Ѣшь, отецъ-родитель, Ѣшь, да будь пожеланій къ своему сыну (или своей дочкѣ)¹!“

— «Какъ тебѣ сол(о)но, такъ и женѣ твоей было сол(о)но рожать!“

На такія слова угощаемый родитель иногда (въ Каширск. у.) отвѣчаетъ:

— „Сол(о)на кашка, и сол(о)но было женѣ родить, а еще сол(о)нѣй отцу съ матерью достанутся дѣтки послѣ...“

¹⁾ Этотъ обрядъ и даваемое ему здѣсь объясненіе имѣютъ сходство съ существующимъ въ описываемой мѣстности обычаемъ—солить окотившагося ягненка и давать посыпанную соль вылизывать его матери, чтобы она болѣе любила свое дитя.

Затѣмъ, бросая кверху оставшуюся въ ложкѣ кашу, произносить:

— „Дай только Богъ, чтобы дѣткамъ нашимъ весело жилось и они такъ же прыгали бы“...

За отпомъ младенца угощаются кумовья:

— „Выкушайте, куманьки дорогie!“ говорить имъ бабка. „Съ крестницей (или крестникомъ) васъ! Какъ вы видѣли ее (или его) подъ крестомъ, такъ бы видѣть вамъ ее (или его) и подъ вѣнцомъ!“

Послѣ кумовьевъ пьють подносимую водку и остальные, сидящіе за столомъ. При этомъ каждый, не исключая и самого родителя, кладетъ сколько-нибудь денегъ на тарелку—въ пользу бабки, и на пирогъ—въ пользу родильницы.

Наконецъ, гости благодарятъ хозяевъ и, пожелавъ имъ всего хорошаго, а новорожденному доброго здоровья и многихъ лѣтъ, прощаются. Остаются только кумъ съ кумой; имъ вечеромъ того же дня или утромъ слѣдующаго, чтобы „опохмѣлиться“ послѣ обѣда, предлагается закуска. За этой закуской кумъ получаетъ отъ кумы „на память“ платокъ, за что онъ, предварительно утерши полученнымъ подаркомъ себѣ губы, цѣлуетъ куму и отдаиваетъ деньгами отъ 10 до 15 коп. При прощаньи кумовья отъ родильницы получаютъ по пирогу, за который въ свою очередь даютъ ей коп. по 15—20 или на такую же сумму какихъ-нибудь вещей, напримѣръ: платокъ, чаю, сахару, мыла и т. п.

Такъ заканчивается празднованіе по поводу рожденія и крещенія младенца.

Почти всѣ событія, случающіяся при родахъ и крестинахъ, а также различные обстоятельства, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ новорожденному, служать тѣмъ или другимъ указаніемъ на его будущую судьбу. Счастливъ, напримѣръ, ребенокъ, если родился въ „сорочкѣ“, или если онъ, будучи женскаго пола, похожъ на отца, а мужескаго похожъ на мать; равно хорошимъ предзнаменованіемъ для него считается, когда въ день его родинъ въ домѣ какая-нибудь прибыль. Неживучъ тотъ младенецъ, который родился подъ исходъ мѣсяца, у кого голова раздвоенная, у кого ротъ не цвѣтетъ, т. е. у кого не бываетъ болѣзни

молочницы, въ которой на кончикѣ языка, губахъ и нѣбѣ появляется бѣлое творожистое вещество, кто съ первого же времени удивляетъ окружающихъ своею смышеностью; скорая же смерть предвѣщается новорожденному, когда въ день его родинъ случится какая-нибудь потеря, убытокъ, когда дадутъ въ другой домъ какую-нибудь вещь совсѣмъ или взаймы или на подержаніе, когда вмѣстѣ съ его крестинами въ церкви бываютъ похороны, и когда его волосы, срѣзанные священникомъ и закатанные въ воскъ кумомъ, не плаваютъ по водѣ въ купели, а тонутъ.

Послѣ крестинъ бабка-повитуха остается въ домѣ родильницы съ недѣлю или двѣ. Обязанности ея въ это время состоять въ томъ, чтобы заботиться о ребенкѣ, ежедневно обмывать и пеленать его, а также ходить за родильницей и, если послѣдняя одинока, хлопотать вмѣсто нея по хозяйству. Родильницу она парить въ банѣ или печкѣ, поить различными лѣкарственными травами и править опустившійся послѣ родовъ ея животъ, растирая его при этомъ деревяннымъ масломъ. Изъ лѣкарствъ, употребляемыхъ родильницами, извѣстны: настой водки на колганѣ, анисъ, богородская трава, ромашка и душица. Настой водки на колганѣ употребляютъ какъ средство, способствующее подъему живота; анисъ и богородскую траву пьютъ для того, чтобы изъ грудей свободнѣе шло молоко; ромашку же и душицу— чтобы вызвать „краски“, или отъ простуды. Ничего кислаго и соленаго родильницѣ не даютъ. Счастлива родильница, которая выбереть себѣ бабку опытную и расторопную. Такая бабка можетъ со всѣмъ управиться и за всѣмъ усмотрѣть. Но не то бываетъ при бабкѣ начинающей или нерасторопной. Отъ ея несообразительности нерѣдко происходятъ и несчастные случаи: либо родильница простудится или обѣйтсѧ чего-нибудь кислаго или соленаго, либо младенецъ ушибется или истечетъ кровью, когда развязется пуповина, и т. д. и т. д.

Когда родильница достаточно оправится, и когда бабка сочтетъ возможнымъ уходить, происходитъ очищеніе всѣхъ присутствовавшихъ и принимавшихъ какое-нибудь участіе при родахъ. Зажигаютъ предъ иконами свѣчу, молятся и

потомъ водою, въ которую кладутъ хмѣль, яйцо и овесъ, умываются сами и моютъ младенца. Во время умыванья родильницы, бабка иногда говорить ей: „Какъ хмѣль легокъ да крѣпокъ, такъ и ты будь такая же; какъ яичко полное, такъ и ты полнѣй; какъ овесъ бѣлъ, такъ и ты будь бѣла!“ А когда моютъ ребенка, то приговариваютъ: „Рости съ брусь вышины, да печь толщины“! Этотъ обрядъ извѣстенъ въ описываемой мѣстности подъ именемъ „размыванія рукъ“¹⁾.

Бабка за свои хлопоты, кромѣ денегъ, собранныхъ ею на крестильномъ обѣдѣ, получаетъ еще одинъ хлѣбъ, мыла съ фунтъ, платокъ и деньгами отъ гравенника до рубля.

По уходѣ бабки, всѣ хлопоты и заботы о ребенкѣ ложатся главнымъ образомъ на его мать. Прежде всего, что она должна бывать дѣлать, если не для блага ребенка, то для своего собственного спокойствія,—это выполнять по отношенію къ ребенку всѣ требованія, предъявляемыя ей многовѣковой народной практикой. Такъ, чтобы младенецъ покойно спалъ, не должно качать люльку пустой; чтобы онъ безпрепятственно росъ, не нужно ему обрѣзать ногтей и стричь волосъ ранѣе года; чтобы онъ не запоздалъ разговорной рѣчью, не нужно давать ему смотрѣться въ зеркало; чтобы не сдѣлался сидякой, т. е., чтобы онъ научился ходить не позднѣе своихъ сверстниковъ, не должно мести около него, когда онъ сидитъ на полу; чтобы не умеръ скоро, не слѣдуетъ его показывать спящимъ тому, кто до того времени его не видалъ, и, чтобы растущій ребенокъ былъ опрятъ, матери его необходимо передъ затопомъ печи сметать съ загнѣтки золу. Мать въ пору младенчества своего дитяти должна особенно внимательно слѣдить за собой, чтобы не ругать, а тѣмъ болѣе не проклинать его и въ досадѣ не говорить ему: „пропади ты пропадомъ!“ Отъ брани и проклятия дѣти дѣлаются глупыми, или не растутъ, или пропадаютъ, или мрутъ не своею смертію и такимъ образомъ ихъ „ан-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описываемыхъ уѣздовъ очищеніе совершается и надъ кошками, когда онѣ окотятся: кошку-мать и ея котятъ купаютъ въ рѣкѣ или прудѣ.

гельскія душки гибнуть". Въ предупрежденіе могущихъ случиться съ ребенкомъ несчастій, его передъ сномъ должно ограждать крестнымъ знаменіемъ и, когда онъ чихаетъ, говорить слѣдующее, предохраняющее младенца отъ пагубнаго дѣйствія бѣсовъ, привѣтствіе: „здравствуй, ангельская душка!“ Какъ вредны для дѣтей брань и проклятие, и, наоборотъ, какъ спасительны для нихъ приведенные предохранительные слова, можно видѣть изъ множества народныхъ разсказовъ. Напримѣръ, рассказываютъ, былъ такой случай. Одна баба съ вечера побрила съ семействами, разсердилась и выбралила ни за что, ни про что своего грудного ребенка. Заснула она и видѣть во снѣ — говорить ей кто-то: „возьми изъ люльки ребенка“. Проснулась баба, потянулась было за ребенкомъ, а въ люлькѣ-то его нѣтъ! Она вскочила, вздула огонь, глядѣть: ребенокъ мертвый, утопъ въ чугунѣ, что около люльки стоялъ... „А какъ онъ могъ попасть“, добавляютъ разсказчики, „если не бѣсь его сволокъ: вѣдь онъ свить былъ?“ Или вотъ еще какая исторія произошла въ одномъ семействѣ, которое состояло изъ старика—хозяина, его старухи и ихъ невѣстки съ груднымъ ребенкомъ. „Разъ какъ-то ребенокъ этотъ расплакался. Мать стала его утѣшать, но что ни дѣлала, онъ все кричить. Она разсердилась и стала его ругать. „Фу, ты!“ говоритъ она: „черть тебя возьми! съ тобой ничего не подѣлаешь!“ Услыхалъ эти слова черть и съ того времени все хотѣлъ взять ребенка, но только никакъ нельзя было, потому что старику былъ очень богомолень и часто говорилъ: „Господи Іисусе Христе!“ Думалъ, думалъ черть, какъ быть? Наконецъ и удумалъ. Собрался у этого старика одинъ мужикъ быка красть. Еще съ вечера онъ подкрался ко двору и сталъ дожидаться, когда все утихнетъ. Только слышитъ воръ, что кто-то вдругъ заговорилъ съ нимъ: „Здорово товарищъ!“ — Кто ты? спрашиваетъ мужикъ. Черть назвалъ себя, а потомъ и говоритъ вору: „я вѣдь знаю, зачѣмъ ты пришелъ: быка хочешь увѣстъ у этого хозяина. Я тебѣ помогу, если за это и ты мнѣ поможешь“. Бѣсь рассказалъ, зачѣмъ онъ самъ пришелъ: за младенцемъ. Мужикъ долженъ былъ провести черта въ домъ, заговорить старика и, когда младенецъ будетъ чихать, не говорить:

„здравствуй, ангельская душка!“ Воръ согласился. Когда онъ постучался, то его впустили въ домъ и попросили сѣсть. Сидитъ онъ и разговариваетъ съ хозяиномъ; вдругъ младенецъ сталъ чихать. Старикъ-хозяинъ не слышитъ. Чихнуль ребенокъ разъ, другой... И жалко стало вору младенца, что младенецъ изъ-за него долженъ пропадать, и на третъемъ разъ воръ сказалъ: „здравствуй, ангельская душка!“ Тутъ бѣсъ захлопалъ въ ладоши и закричалъ: „ахъ ты, бычательникъ!“. Семейные всѣ удивились и стали спрашивать мужика, что это значитъ. Тотъ признался во всемъ и сталъ просить себѣ прощенья.

Понятно, услѣдить за выполнениемъ описываемыхъ требованій для родильницы очень трудно. Но не легки также и обычныя обязанности, налагаемыя на нее простымъ материнскимъ чувствомъ и состоящія въ приготовленіи ребенку постели, въ заботѣ о его чистотѣ и пищѣ, лѣченіи отъ различныхъ болѣзней, изысканіи развлечений, когда онъ капризничаетъ и плачетъ, въ убаюкиваніи его на сонъ грядущи и т. д.

Когда за ребенкомъ смотрить сама мать, то она, конечно, постарается, чтобы онъ былъ сытъ, чистъ, покоенъ. Но не то бываетъ, когда материамъ, за недостаткомъ времени,— что особенно должно сказать о рабочей порѣ,—приходится поручать своихъ ребятъ надзору старухъ, отживающихъ уже свой вѣкъ, или же малосмысленныхъ подростковъ, имѣющихъ отъ рода часто не болѣе пяти-семи лѣтъ. При такомъ надзорѣ нерѣдко случается, что сами же няньки, считая нужнымъ удовлетворить прежде всего свои потребности, поѣдають пищу, приготовленную для дитяти, и послѣ заглушають его голодъ чѣмъ попало, или же, совершенно забывъ о ребенкѣ, оставляютъ его на произволъ судьбы. Въ послѣднемъ случаѣ иногда добровольными помощниками неисправныхъ нянекъ являются телята, которые вылизываютъ волосы на головѣ безпомощнаго младенца, собаки и домашняя птица, которая спокойно лакомится оставшейся на губахъ ребенка пищѣ, мухи и т. п.

Дѣтская постель обыкновенно состоитъ изъ лубочной или на деревянной рамкѣ холщевой люльки, набитой перьями

или чаше съномъ перины, такой же подушки, холщевыхъ простины, ситцевыхъ или собранныхъ изъ разноцвѣтныхъ маленькихъ лоскутовъ одѣяль и надѣваемыхъ на люльку, для защиты спящаго ребенка отъ мухъ и свѣта, цвѣтныхъ ситцевыхъ или бѣлыхъ коленкоровыхъ пологовъ.

Что же касается до туалета ребенка, то въ составъ его, кромѣ холщевыхъ пеленокъ, шерстяныхъ или ситцевыхъ сви-
вальней и ситцевыхъ или коленкоровыхъ ризокъ, входятъ: со-
рочки, пояски, наглазники, нагруднички и чепчики. Сорочки дѣ-
лаются по большей части изъ матерій или бѣлаго цвѣта, какъ,
напримѣръ, изъ кисеи, коленкора и миткаля, или же—изъ какого-
нибудь ситца, преимущественно розовыхъ цвѣтовъ. Кисейные,
коленкоровые и миткалевые рубашки обшиваются ленточка-
ми—голубыми для мальчиковъ и розовыми для дѣвочекъ—и
употребляются во время крещенія младенца и въ другія тор-
жественные минуты, когда, напримѣръ, его несутъ въ цер-
ковь причащать, когда съ нимъ ѿдуть куда-нибудь въ гости или
принимаютъ гостей; ситцевые же употребляются по буднямъ.
Поясами для дѣтей служатъ обыкновенные, покупные за
2—5 кошѣекъ, тесемки или самодѣльные, сплетеные изъ крас-
ныхъ шерстяныхъ нитокъ, шнуры; поясъ употребляется
только послѣ исполненія дитяти шести недѣль. Нагруднички,
или слюнявки, дѣлаются изъ коленкора или ситца и надѣ-
ваются на дѣтей для того, чтобы передняя часть ихъ ру-
башки не смачивалась принимаемой ими пищей и слюнями.
Наглазники, которые имѣютъ форму простого, продолгова-
таго (шириною четверти двѣ и длиною въ аршинъ) лоскута,
а также чепчики—составляютъ собою не что иное, какъ сред-
ство укрывать ребенка отъ мухъ и солнечнаго жара. Какъ
наглазники, такъ и чепцы дѣлаются изъ кисеи, миткаля и т. п.

Чтобы содержать дитя болѣе или менѣе въ чистотѣ, за-
ботливая мать часто смѣняетъ на немъ бѣлье, просушиваетъ
постель и если не ежедневно, то еженедѣльно и рѣдко еже-
мѣсячно его обмываетъ.

Пищею для младенца служить главнымъ образомъ молоко
матери, а если его нѣть, коровье молоко или просто же-
ваныя баранки съ сахаромъ. Но при этомъ не считается
лишнимъ и вреднымъ для ребенка покормить его картофе-

лемъ, кашей, щами или попоить кваскомъ. Срокъ кормленія ребенка грудью простирается обыкновенно отъ одного до полутора года, а именно три поста: два великихъ и одинъ успенскій, или два успенскихъ и одинъ великій. Съ этого времени онъ начинаетъ участвовать за общимъ столомъ, а молоко и баранки признаются за баловство, дозволяемое не во всякое время, и за роскошь, доступную не каждому семейству.

Изъ многочисленныхъ дѣтскихъ болѣзней, извѣстныхъ въ описываемой мѣстности, укажемъ—въ алфавитномъ порядкѣ—слѣдующія: англійская болѣзнь, безсонница, глисты, грыжа, долгое неумѣніе говорить иходить, золотуха, коклюшъ, колотье въ бокахъ, крикъ, недугъ, ненормальная величина живота, непроизвольное мочеиспусканіе во время сна, огонникъ, опрѣлости, простуда, слазъ, сухая стѣнь и собачья старость. Лѣченіе почти всѣхъ перечисленныхъ болѣзней основывается главнымъ образомъ на дѣйствіи лѣкарственныхъ травъ и на вѣрѣ въ магическую силу заговоровъ, наговоровъ и разнаго рода дѣйствій, совершаемыхъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Въ англійской болѣзни дитя заставляютъ сидѣть въ пескѣ и улучшаютъ его питаніе.

При безсонницѣ и вообще при плохомъ здоровьѣ ребенку даютъ въ молокѣ или въ молочной кашѣ макъ, кладутъ у него въ головахъ чертополохъ и прибѣгаютъ къ заговору: „Заря—зарница, красная дѣвица! Возьми безсонницу, а дай младенцу (такому-то) сонъ и добroe здравіe“.

Говорятъ этотъ заговоръ три зари: двѣ вечернихъ и одну утреннюю, или двѣ утреннихъ и одну вечернюю.

Отъ глистовъ больному даютъ цытварное сѣмя или коноплянаго масла по ложкѣ въ день.

Чтобы ребенокъ не болѣлъ грыжею, его послѣ рожденія кормятъ свеклою, или коноплянымъ сѣменемъ, или сѣрнымъ цвѣтомъ. А нѣкоторыя родильницы или лица, родившіяся первыми или послѣдними, „пригрызаютъ“ эту болѣзнь у родившагося сквозь ветошку; для этого у дѣвочекъ берутъ въ зубы пуповину, а у мальчиковъ дѣтородный членъ. Во время пригрызанія у лица, совершающаго эту операцию, бабка

спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ — „Грызъ пригрызаю“ — „Грызи, грызи болыѣ, чтобы грызъ не заводилась.“ — „У нашей грыжки не бываетъ отрыжки.“ Весь этотъ разговоръ повторяется до трехъ разъ.

Сидякъ моютъ отваромъ изъ соломы, набранной ночью изъ трехъ пеленъ чужихъ домовъ, а также весною, когда въ первый разъ выѣдутъ сѣять, выносятъ на поле и, посадивъ посреди пашни, обсѣваютъ кругомъ и говорятъ: „Ты, овесь, рости, а ты, имя рекъ, ходи!“ Такихъ-же сажаютъ въ мѣшокъ и въ немъ бѣгомъ обносятъ около своего двора три раза. Каждый разъ бѣгущаго съ мѣшкомъ встрѣчаетъ кто-нибудь изъ домашнихъ и спрашиваетъ: „Что несешь?“ — „Сидяку“, отвѣчаетъ тотъ. — „Надо ему ходить“. Такъ обносить сидякъ можно во всякое время.

Когда ребенокъ долго не говоритъ и не ходитъ, то, какъ пекутъ хлѣбы, его сажаютъ подъ дѣжу, когда вынутъ изъ нея тѣсто, и потомъ, вымывая надъ этою дѣжой себѣ руки водою, которой смазывали сверху подѣленные хлѣбы, говорятъ: „Какъ мои хлѣбы кисли, такъ и ты, мое дитятко, кисни (полнѣй); какъ мои хлѣбы всходили, такъ и ты ходи; какъ я, мое дитятко, говорю, такъ и ты говори“.

Когда ребенокъ въ первый разъ станетъ на ноги и начнетъ ихъ переставлять, то пространство пола между его ногами перерубаютъ крестъ-на-крестъ топоромъ или ножомъ: это значитъ перерѣзать тѣ невидимыя пута, которыя до сихъ поръ связывали ноги ребенка.

Больного золотухой поять листомъ калины, собраннымъ во время ея цвѣта, а также листомъ смородиновымъ, отвареннымъ въ молокѣ: или золотушныя болячки мажутъ козьимъ, а за неимѣніемъ его, коровьимъ масломъ; или же эту болѣзнь лѣчать три зори слѣдующимъ заговоромъ:

На морѣ Океанѣ,
На островѣ Буянѣ
Стоитъ Божья церковь;
А у этой церкви
Лежитъ камень
Сорока сажень;
А на этомъ камнѣ

Сидѣтъ дѣвица,
Придуваетъ золотуху:
Золотуха-красотуха!
Тебѣ тутъ не быть,
Тебѣ тутъ не жить,
Костей не ломать,
Суставъ не гноить!

Послѣ произнесенія этихъ словъ должно плюнуть и дунуть.

Отъ коклюша ребенку даютъ сосать леденецъ, принимать раза два въ день по чайной ложкѣ прованскаго масла съ сахаромъ и розовымъ масломъ или же въ такомъ же количествѣ деревяннаго масла съ сахарнымъ пескомъ.

Отъ колотья въ бокахъ прикальваютъ громовыми стрѣлами съ произнесенiemъ слѣдующихъ словъ:

Господи Іисусе Христе!
Спаси и помилуй
Отъ всякихъ недуговъ
Денныхъ и ночныхъ,

Полуденныхъ и полуночныхъ
Ангельскую душку
Младенца (имя рекъ).
(3-жды).

Если ребенокъ очень часто *кричитъ*, то съ нимъ выходягъ на улицу три зари и, обращаясь по вечерамъ на западъ а по утрамъ на востокъ, говорять:

Заря-зарница,
Красная дѣвица!
Возьми отъ младенца

(такого-то) крикъ,

А дай ему некрикъ.

(3-жды).

Въ этомъ случаѣ больного также выносятъ въ подоль три раза по зарямъ подъ куриную нашесть и приговариваются:

Куры бѣлыя,
Куры сѣрыя,
Куры пестрыя,

Возьмите отъ младенца

(такого-то) крикъ,

А дайте ему угомонъ! (3-жды).

(Далѣе можно перечислять какихъ угодно куръ, не поминая только черныхъ).

Чтобы избавить ребенка отъ *недуга* или, иначе, отъ младенческой болѣзни, известной въ медицинѣ подъ именемъ *родимчика* (eclampsia), при первомъ припадкѣ, когда заболѣвшій перестанетъ биться, у него рвутъ спереди рубашку отъ разрѣза до низу, или накрываютъ его полотенцемъ, которымъ была покрыта невѣста во время вѣнчанія, либо скатертью, которую стлали на свадебномъ обѣдѣ или при молебнѣ въ какой-нибудь праздникъ. Для той же цѣли больного моютъ водой, которую съ косы, употребляемой для кошенья травы и разнаго хлѣба, спускаютъ въ блюдо на положенные въ него ложки.

Ребенка съ ненормально большимъ животомъ кормятъ ячменной кашей или поять, давая по столовой ложкѣ въ день, коноплянымъ масломъ.

Кто мочится во время сна подъ себя, того сѣкуть на заслонкѣ сапожнымъ голенищемъ три утра ¹⁾.

Противъ огонника или летучаго огня (мокнущаго лишая лица — есцета faciei), по мнѣнію народа, помогаютъ различные средства. Можно лѣчить эту болѣзнь, трижды выбивая огниво предъ лицомъ больного такъ, чтобы искры лѣтѣли на послѣдняго; или при затопѣ печи, до трехъ разъ, зажигая пучокъ изъ луchinokъ, брызгать на него изо рта водой, чтобы при этомъ дымъ отъ тухнущаго пучка лѣтѣлъ въ лицо сидящаго на столѣ или на лавкѣ ребенка; или же прикладывать къ больному мѣсту обыкновенное, тряпичное или мочальвое, помело, которымъ заметаютъ въ печи послѣ топки. Огонникъ лѣчать также заговоромъ: „Огонь, огонь! на тебѣ мокрый, дай мнѣ сухой!“. Слова эти произносять трижды, когда „припаливаютъ огонь“, махая на сидящаго ребенка ночевками или лоткомъ, въ который сѣютъ муку, или когда „откликаютъ огонь“ по тремъ зарямъ черезъ рѣку или прудъ, если только въ тотъ моментъ свѣтится огонь въ двухъ или болѣе избахъ обѣихъ сторонъ деревни.

При поносѣ поять краснымъ виномъ или кормятъ сывороткой.

Если у ребенка прѣтъ подъ мышками, въ пахахъ или въ складкахъ кожи на шеѣ, то опрѣлости засыпаютъ крахмаломъ, чечевичной мукой, древесной червоточиной, порошкомъ, полученнымъ отъ скобленія ножомъ „чертова пальца“ или простого дубоваго обѣденнаго стола, печнымъ пескомъ и т. п.

Простудившагося кладутъ раздѣтымъ на распаренное сѣно, разложенное на жаркой печи, и поять мать-маечехой, клеверомъ, чернобыломъ, а также составомъ изъ какихъ-либо двадцати различныхъ лѣкарственныхъ растеній, собираемыхъ на Ивана Купалу (24 іюня) между утреней и обѣдней.

Отъ сглазу младенца умываютъ преимущественно на трехъ порогахъ свѣжей водой, спущенной съ находнаго либо принесеннаго изъ святыхъ мѣсть креста, или съ ка-

¹⁾ Срв. Потебни. Обясненіе малор. и сродн. нар. пѣс. I, стр. 9. Ред.

мешковъ изъ старого Іерусалима, или съ иконъ, которая употреблялись когда-нибудь на свадьбѣ для благословенія жениха съ невѣстой, или съ угловъ обѣденного стола, или съ громовыхъ стрѣлъ, или же, наконецъ, съ трехъ угольковъ.

Изъ средствъ противъ сухой стыни (*atrophia infantium*) известны слѣдующія: а) Берутъ земли съ трехъ полей и девять кружекъ воды, почерпнутой на мѣстѣ сліянія двухъ рѣкъ, и притомъ три кружки по теченію одной рѣки, три противъ теченія другой и три противъ себя, въ томъ мѣстѣ, где сходятся струи водъ обѣихъ рѣкъ. Съ этой землей, водой и больнымъ ребенкомъ ночью, чтобы никто изъ постороннихъ не видалъ, идутъ на рубежъ двухъ смежныхъ между собою земель разныхъ владѣльцевъ и принесенными водою и землей, предварительно смѣшавъ ихъ вмѣстѣ, моютъ больного. Вымытаго перекатываютъ съ земли одного владельца на землю другого. Рубашку же, бывшую до этого на ребенкѣ, оставляютъ на рубежѣ. б) Ночью собираютъ три горсти земли изъ-подъ верей трехъ сараевъ и черпаютъ воды изъ трехъ колодцевъ. Воду нагрѣваютъ на загнѣткѣ, но не въ самой печи, и мѣшаютъ съ землей, а потомъ выливаютъ сквозь рѣшето на голову дитяти, посаженного въ избѣ подъ матицѣю. в) Раскалываютъ отъ корня четверти на три молодой растущій дубокъ и въ образовавшееся отверстіе протаскиваютъ ребенка трижды въ одну и трижды въ другую сторону и вытаскиваютъ его оттуда голымъ, а надѣтую на немъ рубашку оставляютъ въ отверстіи дуба. г) Младенца кладутъ на постеленную шерстью вверхъ шубу и, отрѣзавши изъ нея по клочку шерсти у больного въ головахъ, ногахъ и подъ спиной, мѣряютъ суровой ниткой обѣ его руки, окружность головы, толщину и съ обѣихъ сторонъ длину тулowiща. Затѣмъ, ребенка моютъ чистою водой, съ положенными на нее тремя угольками. Нитку кладутъ въ печурку, а послѣ ихъ сравниваютъ между собой: если смѣрокъ одной руки оказывается равнымъ смѣрку другой и смѣрокъ правой стороны тулowiща смѣрку лѣвой, то ребенокъ будетъ живъ; если же смѣрки окажутся неравными, то онъ умретъ. Рубашка, бывшая до времени лѣченія на младенцѣ, снова можетъ годиться къ употребленію лишь

тогда, когда ее выполоскаютъ въ рѣкѣ трижды противъ течения и трижды по течению. д) Ставятъ ребенка на лавку около стѣны, растягиваютъ ему руки горизонтально и мѣряютъ его сурою ниткой. Затѣмъ, отмѣтивъ ножомъ на стѣнѣ величину его роста и длину рукъ, окуриваютъ больного, сжигая для этого съ ладономъ нитяные смѣрки.

Для лѣченія дитяти въ *собачьей старости* (такъ крестьяне называютъ то-же атрофическое состояніе дѣтей въ послѣднемъ періодѣ его развитія) либо парятъ его вмѣстѣ съ щенкомъ въ печи и, ударяя вѣникомъ то одного, то другого, говорять: „щенокъ! возьми свою старость!“ (3-жды); либо катаютъ по тѣлу больного кусочекъ хлѣбнаго мякиша и отдаютъ съѣсть одношерстной собакѣ.

Всѣ изложенные способы лѣченія сухой стѣни и собачьей старости примѣняются лишь по средамъ и пятницамъ.

Когда ребенку въ какой-нибудь болѣзни не помогаетъ никакое лѣкарство, то его иногда „перераживаютъ“. Мать становится на мѣсто происходившихъ родовъ, беретъ ребенка и съ помощью призванной бабки до трехъ разъ протаскиваетъ его черезъ воротъ своей сорочки сверху внизъ.

Забавами для дѣтей служатъ то простое ознакомленіе съ наиболѣе интересующими ихъ предметами или легко доступными ихъ пониманію явленіями, то различные, спеціально назначенные для нихъ игры и стихи. Напримѣръ, стараются развлечь ребенка яркимъ цвѣтомъ огня, разубранной въ разноцвѣтные лоскутки куклой, постукиваньемъ желѣзной погремушкой, массой звуковъ, врывающихся вдругъ въ уши при закрываніи и открываніи послѣднихъ ладонями, и т. п. Далѣе, младенца подбрасываютъ вверхъ, щекочутъ, забавляютъ его „сорою“, „ладушками“ и другими общеизвѣстными и описанными¹⁾ уже играми. Что же касается упомянутыхъ стиховъ, то они, хотя иногда представляютъ собою безмыслицу, но за то риѳмованы и нравятся дѣтямъ живостью и быстротою своего произношенія, а также

¹⁾ См. „Этн. Об.“ кн. VI: „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ.“, А. Балова.

тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ умѣло затрагивается личность ребенка: то ему пчелка уронила въ ротъ медку, то какая-то бабка, одѣляя ребятъ грибами, ему дала больше другихъ и т. п. Вотъ, напримѣръ, каковы эти стихи:

1.

Пчелка летѣла,
Уронила медокъ
Прямо дитяткѣ въ ротокъ.
Медъ подъ головами,
Сахаръ подъ ногами!

2.

Чушки-бушки
Не палены,
Не скоблены.
Пора палить,
Пора скоблить!

3.

Бубенъ, бубенъ!
Сядь на бочку,
Продай свою дочку
За моего сына.
У моего сына сѣни косыя,
Собаки борзыя.
Блоха подскочила,
Сѣни завалила!

4.

Кузька-Кузютка!

Куда катишься?

Отъ моря до моря.
Тамъ сидитъ сова,
Себѣ сына родила:
Ивашку—Степашку,
Попа-коротышку,

Дурную лодыжку.
Сѣла баба на барана,
Поскакала по горамъ.

5.

Шла бабка съ заморья,
Несла кузовокъ.
Въ томъ кузовочкѣ
Лежать грибочки:
Кому—грибъ, кому—два,
А тебѣ, дитятко, весь кузовокъ!

6.

Галки-хohlушки,
Толкачи-пророки
Шли по дорожкѣ,
Нашли книжку.
Въ этой книжкѣ воробей сидѣть,
Часы говорить.

Когда же никакія подобныя развлеченія не дѣйствуютъ на плачущее дитя, то матери и няньки прибѣгаютъ къ запугиванію его разными рассказами про стариковъ, поповъ, которые будто бы ходятъ съ сумой и собираютъ въ нее ребятъ, про волковъ съ огненными глазами и т. п., или же успокаиваютъ ребенка колыбельными пѣснями. И послѣднія являются чаще всего другого дѣйствительнымъ средствомъ не только успокоить, но и усыпить ребенка. Это вполнѣ успешно достигается, благодаря главнымъ образомъ тихому и однообразному напѣву колыбельныхъ пѣсень, который успокоительно дѣйствуетъ на утомленные новыми впечатлѣніями или разстроенные чѣмъ нибудь нервы дитяти и парализуетъ его мозговую дѣятельность. Но, обращая на себя вниманіе своимъ напѣвомъ, эти пѣсни представляютъ

гораздо большій интересъ со стороны педагогическихъ и поэтическихъ достоинствъ. Въ подтверждение справедливости высказанныхъ словъ приводимъ нѣсколько собранныхъ нами этихъ пѣсенъ.

1.

Котикъ—котокъ,
Сѣрий хвостокъ,
Шейка твоя
Бѣлогорлистая!
Приди, котикъ, ночевать,
Мое дитятко качать,
Прибаюкивать,
Прилююкивать!
Баюшки-баю,
Баю дѣточку мою!
Я тебѣ коту
За работу заплачу:
Дамъ конецъ пирога,
Да кувшинъ молока,
Еще рѣдьки хвостъ,
На великий постъ.
Баюшки—баю и проч.
Пошелъ котикъ во лѣсокъ,
Принесъ котикъ поясокъ,
Привязалъ за люлечку
Покачалъ (имя ребенка)
Баюшки—баю и проч.
Моя дитятка! спи,
А кота домой пусти.

Сѣрому коту
Ему дома недосугъ:
Коту сына женить,
Ему пиво варить.
Насъ до пьяна напоить!
Баюшки—баю и пр.

2.

У котика, у кота (или воркота)
Колыбелька хороша,
А у (имя ребенка)
Еще лучше его.
Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.
У котика, у кота
Подушечка высока,
А у милаго моего
Еще лучше его.
Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.
У котика, у кота
Одѣялка хороша,
А у милаго моего
Еще лучше его.
Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.
У котика, у кота
Одѣялка хороша,
А у милаго моего
Еще лучше его.
Баю, баю, баю, бай!
Еще лучше его.

Такимъ образомъ перечисляютъ и другія принадлежности дѣтской постели.

3.

Котикъ бѣленъкій,
Хвостикъ сѣренъкій!
Ходитъ котикъ по сѣнишкамъ,
А дрема его спрашиваетъ:
— „Гдѣ (имя ребенка) спить,
Гдѣ дѣточка лежить?“
Баюшки-баю,
Баю дѣтку мою!
— Онъ и спить и лежить
На высокомъ столбу;
На высокомъ столбу,

На точеномъ брусе,
На серебряномъ крюку,
На шелковыхъ поводахъ;
Шиты браны полога,
Подушечка высока.
Баюшки-баю и пр.
Мамушки, нянюшки,
Сходится ночевать,
Мое дитятко качать,
А вы, сѣнныя дѣвушки,
Прибаюкивать.
Баюшки-баю и пр.

Выростешь большой (-ая),
Будешь счастливый, таланливый
(-ая),
Будешь въ золотѣ ходить,
Золоты кольца носить, (2)
Камку волочить,
А обносочки будешь дарить
Мамушкамъ, нянюшкамъ!

Баюшки-баю и пр.
Нянюшкамъ на ленточки,
Сѣннымъ дѣвушкамъ на фартучки,
Молодымъ молодкамъ на кокош-
нички,
Краснымъ дѣвкамъ на повойнички,
А старымъ старушкамъ на по-
вязочки.

Баюшки-баю и пр.

4.

Сонъ да дрема,
Приди къ (имя ребенка) въ голова!
Сонъ ходить по сѣнямъ,
Дрема-то по новымъ.
Сонъ дрему спрашивасть,
А дрема сказываетъ:
— Гдѣ (имя ребенка) спить,
Колыбелька гдѣ висить?

Далѣе убаюкивающая дитя, называя по именамъ домохозяевъ своей деревни, надѣляетъ отъ лица ихъ дрему платчишечкомъ, повойничкомъ, юбченочкой, чулочками и т. п., или же отказываетъ ей въ этомъ.

Ужъ ты, дремушка дрема,
Зайди къ Семену на дворъ.
Семенова жена
Платчишечко дала.
— Ну спасибо тебѣ, Марьюшка!
— На здоровье тебѣ, дремушка!
Шла наша дрема,
Вдоль по улицѣ прошла;
Зашла наша дрема
Къ Ивану на дворъ.
Какъ Иванова жена
Ничего не дала.
— Ну, спасибо тебѣ, дремушка!

— Во высокомъ терему,
Подъ краснымъ окномъ,
За шитымъ, бранымъ положкомъ,
За хрустальнымъ стекломъ;
Кольца серебряные,
Пробойцы золоченные,
Подцѣпочки шелковыя,
Одѣяльце мишуренькое!
Спи, усни, угомонъ тебя возьми!
Спи по ночамъ,
Рости по часамъ;
Выростешь великъ,
Будешь въ золотѣ ходить,
Въ серебрѣ почивать!

5.

У котика, у кота
Была мачиха лиха;
Она била кота,
Приговаривала:
Не ходи, котъ, по дворамъ,
Не качай чужихъ ребять.

6.

Ужъ ты, дремушка-дрема,
Приди къ (имя ребенка) въ голова!
Дремушка-дрема
По проулочку брела...

— На здоровье тебѣ, Авдотьушка!
Шла наша дрема,
Вдоль по улицѣ прошла,
Зашла наша дрема
Къ Алексѣю на дворъ.
Алексѣева жена,
Она богатая была:
Она платьице дала.
— Ну, спасибо тебѣ, Аннушка!
— На здоровье тебѣ дремушка!

7.

Качи, качи, качи!
Прилетѣли къ намъ грачи.

Посажались на нечи.
Ты, малютка, не плачь:
Испечемъ тебѣ калачъ,
Натертый крутой,
Съ посеребреной дугой!

8.

Баюшки-баю!
Живеть Федоръ на краю.
Онъ ни бѣденъ, ни богатъ,
Полна хата ребятъ.
Всѣ по лавочкамъ сидать,
Кашку съ маслицемъ ёдять.

Или:

Всѣ на березкѣ висять.
Березка-то скрипъ, скрипъ!
А ты (имя ребенка) спи, спи!

9.

Баюшки-баю!
Не ложися на краю:
Тебя мышка съѣсть,
А коровка подъ бочкой,
Не дастъ молочка.

10.

Ну, баю-баю!
Баю дитятку мою!
Придетъ старый стариочекъ,
Хворостинкой посѣчть;
Онъ за то посѣчть,
Что ты мало ночью спишь,
По ночамъ всегда кричишь!

11.

Баюшки-баю!
Колотушекъ надаю.
Бай да люли!
Хоть нынѣ умри.
У насъ гречиха на току,
Я блиновъ напеку,
А тебя, дитятку,
На погость пов(о)локу.
Завтра морозъ,
А тебя на погость.
Я соломы наскѣку,
Я блиновъ напеку.
Пойду дитятку поминать,
Попу брюхо набивать.

12.

Баюшки-баю!
Не ложися на краю,
Заутро морозъ,
А тебя на погость!
Дѣдушка придетъ,
Гробокъ принесеть;
Бабушка придетъ,
Холстинки привнесеть;
Матушка придетъ,
Голосочекъ проведеть;
Батюшка придетъ,
На погость отнесеть.
Баюшки-баю!
Колотушекъ надаю!

13.

Пошелъ козель за лыками,
Пошла коза за орѣхами.
Пришелъ козель съ лыками,
Козы дома нѣтъ.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными!
— Погоди же ты, коза:
Напущу на тебя волковъ!
Нейдутъ волки козы искать.
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
— Погоди же вы, волки:
Напущу на васъ людей!
Люди нейдутъ волковъ гонять,
Волки нейдутъ козы искать,
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калеными.
— Погоди же вы, люди:
Нашлю на васъ медвѣдя!
Медвѣдь нейдетъ людей ло-
матъ.
Люди нейдутъ волковъ го-
нять и проч.
— Погоди же ты, медвѣдь:
Нашлю на тебя огонь!
Огонь нейдетъ медвѣдя па-
лить,
Медвѣдь нейдетъ людей ло-
матъ и проч.

— Погоди же ты, огонь:
Нашлю на тебя я воду!
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ медвѣдя па-
лить и проч.

— Добро же ты, вода:
Нашлю на тебя быковъ!
Быки нейдутъ воду пить,
Вода нейдетъ огонь лить,
и проч.

— Добро же вы, быки:
Нашлю на васъ дубья!
Дубья нейдутъ быковъ бить,
Быки нейдутъ воду пить,
и проч.

— Добро же вы, дубья:
Нашлю на васъ топоръ!
Топоръ нейдетъ дубья ру-
бить,
Дубья нейдутъ быковъ бить
и проч.

— Погоди же ты, топоръ:
Нашлю на тебя камень!
Камень нейдетъ топоръ зу-
брить,
Топоръ нейдетъ дубья ру-
бить и проч.

— Погоди же ты, камень:
Нашлю на тебя гору!
Гора нейдетъ камень давить,
Камень нейдетъ топоръ зу-
брить и проч.

— Погоди же ты, гора:
Нашлю на тебя червей!
Черви нейдутъ гору точить,
Гора нейдетъ камень да-
вить и проч.

— Добро же вы, черви:
Нашлю на васъ гусей!
Гуси нейдутъ червей кле-
вать,
Черви нейдутъ гору точить,
и проч.

— Добро же вы, гуси:
Нашлю на васъ орла!

Орелъ нейдетъ гусей вер-
тать,
Гуси нейдутъ червей кле-
вать и проч.

— Погоди же ты, орелъ:
Нашлю на тебя сокола!
Соколь полетѣлъ орла щи-
пать,
Орель сталъ гусей вертать,
Гуси стали червей клевать,
Черви стали гору точить,
Гора стала камень давить,
Камень сталъ топоръ зу-
брить,
Топоръ сталъ дубья рубить,
Дубья стали быковъ бить,
Быки стали воду пить,
Вода стала огонь лить,
Огонь сталъ медвѣдя палить,
Медвѣдь сталъ людей ло-
матъ,

Люди стали волковъ гонять,
Волки стали козу искать.

Нашли козу съ орѣхами,
Нашли козу съ калеными.
— Вотъ тебѣ, козель, коза съ
орѣхами,
Вотъ тебѣ коза съ калеными!

14.

- Бабушка Варварушка!
- Гдѣ ты была?
- Коней стерегла.
- И гдѣ жъ кони?
- За ворота ушли.
- Гдѣ же ворота?
- Водой снесло.
- Гдѣ же вода?
- Быки попили.
- Гдѣ же быки?
- За бугры ушли.
- Гдѣ же бугры?
- Черви выточили.
- Гдѣ же черви?
- Гуси выклевали.
- Гдѣ же гуси?

— Въ тростникъ ушли.
 — Гдѣ же тростникъ?
 — Дѣвки выломали.
 — Гдѣ же дѣвки?
 — За мужья ушли.

— Гдѣ же мужья?
 — На войну ушли.
 — Гдѣ же война?
 — Посередъ г...а.

Разматривая колыбельные пѣсни, мы видимъ, что онъ представляютъ собой небольшіе, но большою частію прекрасные разсказы, вполнѣ приспособленные къ дѣтскому пониманію и довольно ярко выражающіе чувства женщины къ своему ребенку¹⁾.

Предметы, предлагаемые въ этихъ пѣсняхъ вниманію дитяти, взяты изъ области тѣхъ явленій, съ которыми ребенокъ знакомится ранѣе прочаго. Такъ, здѣсь мы встрѣтимъ и съ бѣлымъ хвостикомъ сѣраго кота, который почти всегда нравится дѣтямъ, и старика съ волкомъ, которыми ихъ такъ пугаютъ нянѣки, и дрему въ образѣ попрошайки, напоминающей собою нищихъ, которыхъ приходится имъ видѣть чуть не каждый день, и т. д. Къ тому же, всѣ эти предметы народная фантазія заставляетъ жить лишь тою жизнью, которая близка ребенку и можетъ его заинтересовать. Котъ, напримѣръ, ходитъ и качаетъ ребятъ: дрема бродить по дворамъ, собираетъ себѣ нарядъ да разспрашиваетъ, гдѣ кто изъ дѣтей спить; старикъ наказываетъ балованныхъ и ка-призныхъ ребятъ, и т. п. Съ этой стороны колыбельные пѣсни представляютъ собой плодъ многовѣковой народной дѣятельности по воспитанію дѣтей, и, въ отношеніи выбора содержанія и умѣнья изложить его въ стихотворной формѣ весьма просто, наглядно и картинно, онъ являются прекраснымъ созданіемъ педагогического народнаго генія.

Далѣе, ребенокъ, какъ известно, возбуждаетъ въ душѣ женщины различные чувства: то онъ составляетъ для нея отраду въ настоящемъ и надежду въ будущемъ, то представляетъ собой не что иное, какъ обузу. Сообразно съ этимъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ мы видимъ то образъ нѣжной и любящей свое дитя матери, то грубой ненавидящей своего ребенка женщины. Страстная любовь первой

¹⁾ См. объ этомъ статью А. Ветухова „Этногр. Обозр.“ XIII—XV. Ред.

заставляетъ ее изъ своего репертуара выбирать только самыя пріятныя для ребенка пѣсни, напримѣръ, про безобидную дрему, про ласковаго котика и т. п., рисовать предъ нимъ въ привлекательныхъ чертахъ неизвѣстное будущее и даже прикрашивать часто неприглядное настоящее. Нелюбовь же второй заставляетъ ее тяготиться своимъ ребенкомъ и въ его смерти видѣть для себя одинъ только выходъ изъ своего непріятнаго положенія, единственную возможность освободиться отъ многочисленныхъ обременительныхъ хлопотъ. Вотъ поэтому-то мы въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами пѣсенъ видимъ, что смерть ребенка представляеть собою нѣчто желаемое, вотъ почему она описывается здѣсь съ такимъ удивительнымъ безсердечiemъ, со всею реальностью и съ такою возмутительною грубостью!..

Обстановка съ вышеописанными суевѣріями, забавами, колыбельными пѣснями окружаетъ ребенка лишь въ пору его младенчества, но она измѣняется, когда дитя выходитъ изъ-подъ надзора няньки и начинаетъ жить болѣе или менѣе самостоятельно. Описаніе этого периода дѣтской жизни можетъ составить особый этнографический очеркъ.

Д. Ив. Успенсий.